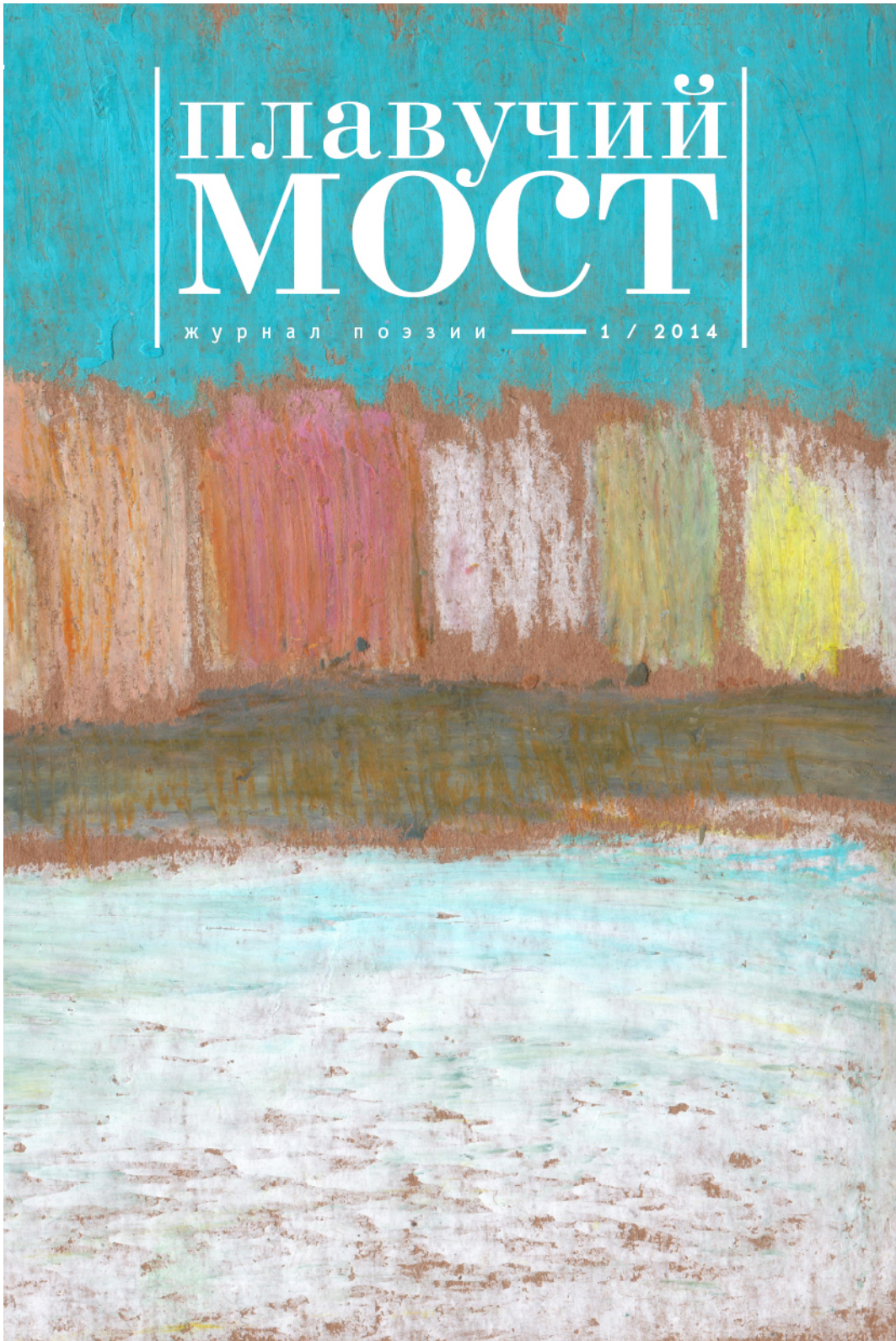

плавучий МОСТ

журнал поэзии — 1 / 2014

Олжас Сулейменов

Стихотворения

Сулейменов Олжас Омарович, поэт, народный писатель Казахстана, лингвист-исследователь, тюрколог, популярный политик, видный государственный и общественный деятель.

Родился 18 мая 1936 года в городе Алма-Ате.

Первая книга стихов и поэм «Аргмаки» вышла в 1961 году. В этом же году была опубликована его поэма «Земля, поклонись человеку», которая вошла в число лучших произведений советской поэзии и принесла О. Сулейменову широкую известность.

Одно из важнейших произведений Олжаса Сулейменова – «Глиняная книга».

«...давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса – мы признаем Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно».

Леон Робель

Маме

О чем этот поселок?
О любви.
О вечной жизни
под просторным небом.
Неспешная закатность, позови
меня в раздумья те,
где еще не был.
Весенний грач?
Или осенний гусь?
Мое крыло полмира отмахало,
и в реку Лимпопо перо макало,
и в пряный ветер
из цейлонских кущ.
О чем эта дорога?
Если прав,
будь с гордым горд:
он не отец порока,
будь с робким робок:
он тебе не раб.
Я так и поступал, клянусь, дорога.
Не всем, кто ждал, помог,
ведь я не бог.
Что в силах одинокого поэта?
На все вопросы не нашел ответа,
но людям я не лгал,
хотя и мог...

Трава

Встречаемся мы часто за Тоболом,
в лесу, в траве осенней
и лежим,
и не шумим,
я так же чист с тобою,
как наш Тобол, впадающий в Ишим.
С деревьев красные сползают ливни,
травы в багровой
лиственной крови,
ты навсегда запомни –
как счастливо
глядел на нас кузнечик
из травы.

В моём лесу ничто не враждовало,
скользили блики света по траве,
и по руке твоей, как по тропе,
шла муравьица,
и ушла,
пропала.

Все птицы пели что-то без названья,
за всеми клёнами молчал Тобол.

Что было бы, не будь его?

Не знаю.

Что было бы, не будь меня с тобой?

Всех, на тебя похожих, –

не обижу,

деревья белые беречь я буду,

и каждый раз,

когда тебя увижу,

я самым добрым человеком буду.

Что было бы, не будь вот этих глаз,

залитых светом, болью и обидою...

Ты каждый раз люби меня,

любимая,

так, словно видимся

в последний раз.

Ночные сравнения

Ты как мёд,

как вспомню – зубы ноют,

ты как шутка, от которой воют,

я ничтожен, кто меня обидит?

Видел ад, теперь бы рай увидеть.

Ах, зачем тебя другие любят,

не люби, да разве это люди...

Они ржут, собаки, до икоты,

это же не люди, это – кони!

А когда язык ломает зубы?
А когда глаза сжигают
веки?
Как, скажи, мне брови не насупить,
глянуть –
и остаться человеком?

И лягушкой ночью не заплакать,
я люблю тебя,
как любят квакать,
как вдова – кричать,
как рыба – плавать,
я люблю тебя, как слабый –
славу,
как осёл – траву,
как солнце – небо.
Ты скупа, тебе прожить легко,
даже нищий дал мне ломоть хлеба,
как дают ребёнку молоко.
Если б звался я, дурак, Хаямом,
если б я, проклятый, был Хафизом,
если б был я Махамбетом, я бы!..
Только все стихи уже написаны.
Так в горах любили и в степях,
так любили – и смеясь и плача.
Разве можно полюбить иначе?..
Я люблю тебя, как
я – тебя...

Были женщины по плечо...

Были женщины – по плечо,
Были женщины мне – по грудь.
Но – по сердце
Была одна.
Просто по сердцу мне она.
Всё идёт ей –
Тоска в глазах,
И пушиночка в волосах,
И жестокий, капризный рот,
И зубов обнажённый лёд.
Даже пальчиков нежный хруст,
Даже слишком не взрослый рост,
Даже тридцать четвёртый год.
Всё идёт ей.
Как всё идёт!..

Жара

Ах, какая женщина,
Руки раскидав,
Спит под пыльной яблоней.
Чуть журчит вода.
В клевере помятом сытый шмель гудит.
Солнечные пятна бродят по груди.
Вдоль арыка тихо еду я в седле.
Ой, какая женщина! Косы по земле!
В сторону смущённо
Смотрит старый конь.
Солнечные пятна шириной в ладонь...

Аз тэ обичам

Пьянее чёрного вина чужого взгляда,
мне для гармонии – она,
а ей – не надо.
Мне до свободы нужен шаг,
а ею пройден,
она предельна в падежах,
я – только в роде.
Она в склонениях верна,
я – в удареньях,
так выпьем тёмного вина – до озаренья!
Поищем горькой черноты,
чтоб излучиться,
событью нужен я (и ты!),
чтобы случиться.
И разве не моя вина,
что не случилось,
и разве не моя вина –
не получилось.
И разве не моя вина –
не сделал кличем:
аз тэ обичам,
я люблю,
аз тэ обичам!
Перемещаются во мне
шары блаженства,
подкатывает к горлу ком –
знак совершенства,
скажи негромкое:
жаным*, аз тэ обичам.
Подай мне руку,
есть у нас такой обычай...

* «жаным» (тюрк.) – душа моя, обращение.

Ноктюрн

I

Берёза – северный бамбук,
дрожа струной,
сгибаясь в лук,
на белизне окна
выводит тенистые узоры букв,
и в серебрящейся тетради
письмо дыханья – «Бога ради!..»
Его мне начинала ты
в том берестовом Новеграде.

Закутанная в полотно,
отбеленная серым небом,
ты вписана в моё окно
давно, когда ещё я не был.

Не слишком ли в домах тепло?
И пламя в лампе наклониться:
беззвонно выбито стекло,
безвинно вырвана страница.

II

Ночь – тень твоя,
обыденное новшество,
снежинкой тьма лениво прожжена.
Один и ночь – анализ одиночества,
а в Новеграде том – ночь и одна.

Старая днём, во тьме мы молодеем,
прошедшее изобретаем снова,
протяжной немотой изведав слово,
мы смыслами несуетно владеем.

Таращится бессоница ночей,
пытая грубой памятью события.
Зачем живём на свете,
не забыть бы!
А затвержённо помнит
жизнь зачем?
Сейчас вдруг ночь о нас заговорит,
в твоей душе утонет чёрный клавиш,
и лунный отзвук глаз посеребрит,
а это значит попросту, ты плачешь.

III

... Утихли волны северного Понта,
снег лёг на жёлтый лик земли,
как пудра.
Усталая белуга горизонта

качает удочку берёзы.

Утро.

Торчат прямые сосны над песками,
как мачты затонувших кораблей.

Хлестнём коней!

Пусть взвихрится за нами
багровая листва календарей.

И вновь – могуч, безжалостен, недобр,
гривастый день вторгает в душу топот,
кричат дугары,
дробный вопль домбр,
«о, ради бога» – обжигает шёпот.
И вправлено стекло. И рухнул дом.

Одна война закончилась другой...

...Одна война закончилась другой.
Мой дядя, брат отца, ушёл на фронт.
Ушёл он добровольно? Я не помню.

Но помню – от бессонницы ушёл,
От белых окон
И ночных испугов,
От резких тормозов на повороте.
Он шёл с мешком вдоль пыльного арыка,
А я бежал, цеплялся и просил
Взять в плен фашиста,
Если он не сдастся, –
Ударить шашкой,
Или так на штык,
Или ногой в живот –
Пусть будет больно,
Порезать руки,
Чтобы кровь хлестала...
Он сбоку поглядел в мои глаза,
Дед хмуро кашлял и плевал под ноги...
Всё реже в домик приходили письма,
Потом пришло одно.

В нём говорилось:
Мой дядя пал хорошей смертью храбрых.
А я не понял,
И был счастлив я,
Увидев слово храбрый.
Дед не плакал.
Решил старик, застенчивый, угрюмый,
Проехать полстраны с голодным внуком,
Чтоб разыскать
Могилу сына.
Дед не разрешал
Сынам своим лежать в чужой земле.

Я помню – полустанок, зной, бесхлебье,
Солдаты в пролетающих вагонах,
Разбитая земля, остовы танков,
Голодное ворьё пустых вокзалов,
Сожжённые деревни и коровы,
Разбухшие от порьжелых трав.
Я помню – реки, реки, реки,
Дожди, то морозящие, то ливни,
Стволы осин, дубов заплесневелых
И глина, глина, глина по колено.
Нам показали дядину могилу,
Она была за маленькой деревней,
Едва просохшей после серых ливней.
Над мелкой речкой – глиняный бугор.
Дед помолился, пожевал насвая,
А я глазел на глиняную землю,
Она была, земля, почти такую,
Как наша,
Только мокрой. Я запомнил.
Вокруг стояли жители деревни,
Одна из них казалась мне красивой,
С худыми, но румянными щеками.
И злая как соседка. Я запомнил.
Мой дед не обращал на них внимания,
Он снял бешмет и, обойдя могилу,
Вонзил лопату в глиняный бугор.
И женщины вдруг обступили деда,
Та, что была с румянными щеками
Сказала. Я запомнил.
– Разве можно...
Здесь восемнадцать человек лежат.
Мой дед уже чуть понимал по-русски,
Он осторожно вытащил лопату,
Рукой погладил рану в чёрной глине
И вытер руку о сухой сапог.
Мы просидели день у тихой речки.
До темноты следили ребятишки.
Дед, плача, пел арабскую молитву,
А я гонял травинкой муравьёв.

Над белыми реками стаи летят...

Над белыми реками
стаи
летят,
как чёрные хлопья
сгоревшего лета,
летят, развеваясь,
как чёрные ленты,
летят мои утки,
куда захотят.
Озёра солёные, сладкая тина,

чебак африканский,
не горький,
бескостный!..
Мне кажется –
с медленной стаей утиной
покинула родину Птица Спокойствия.
И сизые перья осели на реки,
ушла, я боюсь, что устанет, устанет,
останется там,
где навеки, навеки
я сам бы остался.
Наверно б остался.
...Весною восходят они из-за гор,
лучами тяжёлыми,
первые клинья,
устало вонзая потёртые крылья
в прозрачный и вязкий
воздушный раствор.

Кочевье перед зимой

Когда расцветет, сверкая,
Звезда Сумбуле,
Косяки кобылиц
Отдадут свое белое молоко,
Тонко – длинные гуси над степью моей
пролетят,
И угрюмо печально в ночи прокричат
Мои бедные белые гуси.
Это значит – трава постарела
на пастбищах.
Поднимайся, кипчак...
Пусть умрет у меня на руках, сверкая,
Звезда Сумбуле.

Звезда

Под круглой плоскостью степи
углами дыбятся породы.
Над равнодушием степи
встают взволнованные руды,
как над поклоном –
голова,
как стих,
изломанный углами.
Так в горле горбятся слова
о самом главном.
Далёкое уводит нас.
Всё близкое
кругло, как воздух.
За миллионы лет от
глаз –

углами
голубые звёзды.
Нас от звезды
спасают крыши,
но мы ломаем –
и летим.
Над вдохновенными горами
унылый круг луны
потух.
И молнии
кардиограммой
отменены
уступы туч...
И радуга – не коромысло,
она острее углов любых.
Нас обвиняют в легкомыслии,
а мы –
фанатики в любви!
Мы долетаем!
И встречает –
равнина. Поле. Борозда.
Изломы гор, зигзаги чаек.
Простая круглая звезда.

Это кажется мне...

Андрею Вознесенскому

Это кажется мне –
Махамбет, как стрела,
в китайской стене,
головой – в кирпич,
а штаны с бахромой –
оперенье;
грозный мой Махамбет,
ты давно –
персонаж в оперетте,
я тебе не завидовал,
не позавидуй мне.
Ты не пытайся понять
нашу странную речь,
вылезай из проклятой стены:
уже сделана брешь,
тебе будет не просто –
жить в царствии прозы
поэзией,
исправляя метафорой мир,
как Европу
Азией.
Только в сравнении с прошлым
живет настоящее,
твой угрюмый верблюд

мне напомнил третичного ящура.
Есть бревно баобаба –
и потому существует нить,
нет материи вовсе,
если не с чем ее сравнить.
Только в сравнении с малым.
велик человек,
только в сравнение с великим
жив человек.

Разве я не похож
на могучего гомо-антропа?
Лишь в сравнении с Азией
существует Европа.

Андрей! Мы – кочевники,
нас разделяют пространства
культур и эпох,
мы кочуем по разным маршрутам,
сквозным и реликтовым.
Я хочу испытать
своим знанием
страсти великие,
о которых он, гордый номаде,
и ведать не мог.
Я пишу по-этрусски
о будущем –
ты расшифруй
голоса и значенья
на камне исполненных рун,
невегласам ученым доверь
истолкованный бред,
да мудреют они,
узнавая познания вред.
Я брожу по степям уставая,
как указательный палец –
поправленье пути
указуют железным дрюком.
Это кажется мне –
Аз и Я – Азия,
ошибаюсь.
Мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь
в другом.

Он бормочет стихи

Слова – медный блик человеческого поступка,
Высоту, глубину и цвета извергает язык.
Повторятся в словах и глоток,
И удар,
И улыбка,

Стук копыт через век
И наклон виноградной лозы.
Эту чёрную ночь
Я опять принимаю в сообщницы.
В эту ночь я услышал неясный луны монолог,
А на красный язык,
Как на свет,
Пробирается ошупью
И полощется в горле
Белого слова клочок.
Я сейчас закричу,
Я нашёл!
Я хочу его выставить!
Пусть луна продолжает на тенях
Судьбу гадать.
Этот матовый свет,
Будто вспышка далёкого выстрела,
Обнажает лицо,
Опаляя меня на года.
Не нуждаюсь в пощаде глупцов,
Не покорствую мудрым.
Слово бродит в степи,
Чтоб нечаянно встретить меня.
...Он бормочет стихи. Так молитву читают
курды.
На скуластом лице отсвет медленного огня.

Ночь свершения желаний

Ночь.
Тепло.
На ковриках шепчут старики.
Месяц бровь приподнял,
Словно в удивлении.
Камни на стремнине
Бешеной реки
День и ночь свершают
Обряды омовенья.
Люди аллаху просят
Свершенья ночных молитв,
Немного земного счастья
Вымаливают мусульмане,
В ночь Лейля-ули-кадр
Свет над землёю пролит.
Пыль поредела на тротуарах,
Как борода.
Люди шагают.
Саманные стены мечети молчат.
Дети проходят мимо мечети,
Словно года.
В дряхлой руке минарета –
Гнутая тень меча.

Шёлком чалмы развитой
белеет в траве арык,
Яблони моют корни
В седой воде,
В ночь Лейля-ули-кадр
Я, как старик,
По бетонным коврам площадей
Брожу и шепчу о тебе,
Да свершится моё желанье!

Любая влага, влитая в кувшин...

Любая влага,
влитая в кувшин,
спешит принять
его литую форму,
а слово,
проникая в глушь души,
ей сообщает
собственную форму.
Тьму искажает образами
ночь,
в конях отстали
борзые комони...
Всегда,
повсюду –
горлом превозмочь
границы ужасающих гармоний.

Так, в мир входя,
мы изменяем мир,
он – оболочка,
мы – его основа,
мой мир,
рябьсь, морщинась,
как эфир,
приобретает очертанье СЛОВА.
Искрится дым –
сгорел последний том...
Но
вечен знак над лёгким пеплом
букв,
над кошмами,
над каменной плитой
изогнутый лекалом мысли
ЗВУК.

Вначале бе слово... Снег в июле

На заборе начертано –
СНЕГ.
Тот же почерк
и тот же мел,
что вчера выдавать умел
не такое,
вдруг просто –
СНЕГ.

Покоробил текст новизной,
вырождением простоты,
не повеяло ни весной,
ни зимой,
нет, писал не ты.

Это творческое бессилье!
Вкус творца –
в соблюдении стиля,
есть бумага,
а есть заплот –
слова искреннего оплот!
...Был горячий июльский день,
арычок не давал прохлады,
шелковицы узорная тень –
драгоценней старинного клада.

А директор бюро прогнозов,
человек пожилой,
курносый,
отвечая на ваши вопросы,
трубно кашляя,
отвечал:
«в третьем квартале –
дождь и росы,
а в четвертом два-три озноба,
дрожь и насморки
по ночам».
Вдруг
непонятное свершилось –
СНЕГ упал на бока инжира,
он ложился не тающим жиром
на горячую жижу –
СНЕГ.
А директор кричал:
«Ей-богу!
Я такого июля не помню,
в два столетия раз бывает,
а точней –
один раз в эпоху!»
Нас не балуют перемены.
Я обычаям изменяю –

одобряю проект пельменной,
струганина и спирт
в меню!
В чайхане
не играют в нарды,
арбы – в сторону,
ишаки
на постромках волочат нарты,
песьи вывалив языки.
Рады люди –
и млад, и старый:
мы так жаждали перемен.
...Снег попадал,
устал,
растаял.
Вроде кончился эксперимент.
СНЕГ исчез,
затоптанный нами.
Но теперь,
разрешая спор,
мы божимся забором,
как знаменем,
жарко молимся
на забор.